

Iskeda

11
1989

МРАМОРНАЯ КРОШКА

Быль

То ли это был съезд писателей Украины, то ли просто собрание киевской интеллигенции, посвященное единодушному одобрению очередного исторического пленума, так или иначе, но пришедшие в тот день в зал Верховного Совета были слегка обескуражены.

— Видал? — толкнул меня в бок один из сидевших рядом со мной интеллигентов, из фрондирующих.

— Что?

— А ты посмотри.

— Куда?

— Да прямо. За спиной Корнейчука.

— Ничего не понимаю.

— Вот дуреха. На нишу глянь.

Я посмотрел и обомлел. В нише, за спиной как всегда сладко и фальшиво улыбающегося Александра Евдокимовича, стоял Ленин. В прошлый раз, когда нас здесь собирали, там стоял Сталин. Теперь Ленин.

Удивительного в этом было не так уж много. Совсем недавно состоялось выдворение отца народов из мавзолея, и по всей стране широким фронтом шла борьба с его изображением. Сносились памятники или, как тогда они скромно назывались, скульптурные портреты вождя со всех площадей, проспектов, улиц, железнодорожных станций, с монументальных арок шлюзов Волго-Дона и Москвы-Волги, с Выставки передовых достижений, со всех панно, барельефов, плакатов. Лауреатам Сталинских премий велено было поменять свои медальки с профилем корифея на другие, с лавровой веточкой... А как-то, в метро Киев-

ская, в Москве, проходя мимо мозаического панно, изображающего Ильича в момент провозглашения им «Великой Социалистической революции, о которой так много говорили большевики», я невольно почувствовал на себе некий магнетический взгляд. С красного знамени, развевавшегося за спиной Владимира Ильича, на меня глядели два красных глаза над красными усами. Дзержинский и Свердлов, прижавшись друг к другу, уступали место первому соратнику, следов которого нельзя было уже обнаружить, остался только злоеющий контур, глаза и усы. Через неделю возле мозаики был сооружен забор, а еще неделю спустя глаза исчезли, камешки переложили.

Такова была ситуация в стране.

В перерыве интеллигенты пошутукались, похихикали и, выпив в буфете свои сто грамм, к вечеру разошлись по домам. Ленин с завистью провожал их из ниши слепым мраморным взглядом.

Пересекая парижскую площадь Вандом, я всегда задираю голову и смотрю на кажущуюся такой маленькой фигурку, венчающую колонну.

О слава, слава, думаю я, глядя на бронзовые изваяния великого императора, как быстротечна ты, как мимолетна, изменчива и капризна. И сколько суеты вокруг...

Вандомская колонна...

Великая армия! Победы Наполеона! Аркольский мост, Египет, Маренго, ядра и пушки Аустерлица, из которой вылита она. Величественная, трагическая судьба.

Недавно попала мне в руки книга под названием «Вандомская площадь», толстая, с множеством картинок и старинных гравюр. Теперь я все знаю.

Когда-то называлась она площадью Людовика XIV Великого или площадью Завоеваний. И в центре ее, в присутствии самого Короля-Солнца, воздвигнут был памятник. Красивый, как Бог, в римских доспехах и пудреном парике, что в свое время вызывало улыбку, король властной рукой сдерживал строптивого коня. Но не прошло и ста лет, как статую свергли взбунтовавшиеся санкюлоты. И осталась от Короля-Солнца только одна бронзовая ступня в римской савдалии, бережно хранящаяся сейчас в Лувре.

Какое-то время площадь, переименованная в площадь Пик, пустовала. Осиротевший пьедестал служил иной раз театром для пышных погребальных церемоний героев Революции.

Со временем Конвент принял решение воздвигнуть на этом месте колонну, восславляющую Францию. Но только при Консульстве проект начал осуществляться. 14 июля 1800 года, в день годовщины Взятия Бастилии, министром внутренних дел Люсьеном Бонапартом, в торжественной обстановке, был положен первый камень в основание будущей колонны. И вот тут-то Наполеона, тогда еще генерала Бонапарта, победоносно завершившего Итальянскую кампанию, вдруг осенило. Увидев в Риме каланчу Траяна, символ великих побед римского императора, он вознамерился целиком перенести ее в Париж, на место Траяна водрузив Карла Великого. Статую его, сидящего на троне, специально привезли из Экс-ан-Прованс. Но события тем временем бурно развивались. Пока обсуждали, как доставить из Италии во Францию мраморную колонну, молодой генерал успел стать императором, и после победы под Аустерлицем ему пришла в голову новая гениальная мысль — из пушек и ядер великой битвы отлить колонну, копию траянскую, как символ его, Наполеона, побед... Подписан был указ, и началось строительство. А через четыре года бронзовый император в лавровом венке и римской тоге милостиво глядел на простершийся у его ног Париж с высоты сорокаметровой колонны в день ее открытия, 15 августа 1810 года.

Но еще через четыре года пришли союзники, и пришлось завоевателю Европы уступить место белому стягу с бурбонскими лилиями. А тому, в свою очередь, в период Ста дней — трехцветному, сине-бело-красному.

И только через шестнадцать лет, в 1831 году, по велению короля Луи-Филиппа, Наполеон вернулся на свое место. Но на этот раз не в римской тоге, а в простом походном сюртуке и треуголке, каким помнили и любили его ветераны былых походов. Племяннику же великого императора, Наполеону III, одеяние сие показалось прозаичным, и фигуру сменили на новую, обрядив по-

прежнему в тогу. Прозаичного же перенесли на площадь Курбэвуа, ныне Дефанс.

Но на этом не кончилось. Только началось. Началось главное. Парижская коммуна. Свергнуть тирана! И тирана, и колонну! Поручили прославленному Курбэ, ярому коммунару. Площадь усеялась обломками. Но на второй же день после взятия Парижа (и на пятый после свержения) версальцы издали приказ о восстановлении колонны. И поручили тому же Курбэ...

И стоит с тех пор, на той же колонне, третий Наполеон. Склеенный, реставрированный и снова в венке и тоге, и на него-то я и задираю голову, когда прохожу по Вандомской площади.

Ну а тот, в походном мундире? Тоже досталось. Пруссаки собирались, овладев Парижем, проволочить его на веревке до самого Берлина. В самые последние дни осады мэр Парижа Араг и префект полиции Кератри неожиданно отдали приказ — статую срочно демонтировать и переправить в Отель Инвалидов. На плоту, по Сене. Бой помешали, и императора в шюртуке бултыхнули в Сену. И пролежал он там, на дне, всеми забытый, сорок лет. Только в 1911 году вспомнили, выудили и водрузили на почетное место в Отеле Инвалидов, том самом, где покоятся в порфиловом саркофаге останки Наполеона.

Такова история многострадальной колонны, украшающей и поныне площадь, носящую имя незаконного сына Генриха IV Сезара де Бурбон, герцога Вандомского, женившегося по высочайшему указанию на дочери короля, своей сводной сестре.

Суэта сует и всяческая суэта... Сколько зависти, интриг, корыстолюбия, тщеславия, любви и ненависти сплетается вокруг имен людей, признанных Историей великими.

И проходя по площади, историю которой я только что поведал в самом сжатом изложении, я невольно мысленно переношусь в град Петров. Медного всадника и того, у Инженерного замка, вихри революции пощадили. Даже Николая Палкина возле Исаакия не тронули. А вот на Александра III почему-то обиделись. Сначала обозвали «пугалом», как окрестил его в своем полуграмотном четверостишии, высеченном на пьедестале, Ефим Придворов, он же Демьян Бедный, а потом взяли и снесли. Не понравился кому-то из отцов города, возможно, самому Жданову. И сослали во двор Музея русского искусства, того самого, который носил когда-то его же, Александра III, имя. И сидит он там до сих пор на своем тяжеловесном коне — одно из лучших произведений талантливейшего скульптора Паоло Трубецкого, — вот уже сколько лет скучает в замусоренном музейном дворе, и можно было его видеть сквозь решетку, а теперь, говорят, досками забили — нечего глазеть...

И в Киеве есть свой скучающий царь, тоже во дворе музея, тоже русского искусства, — Александр Второй. Стоял когда-то у входа в Купеческий сад, на Царской, потом III Интернационала, потом Сталина, а теперь Ленинского комсомола площади и тоже кому-то стал мозолить глаза, и препроводили его в крохотный тесный двор музея, где случайно и обнаружил его, Царя-освободителя, убитого сто лет назад фанатиком, невольно ставшим прародителем нынешних террористов.

Вряд ли они вернутся на свои места, эти цари. Не до них сейчас. Впрочем, в Восточном Берлине, «Старый Фриц» — Фридрих II — вернулся вдруг на Унтер-ден-Линден, на то же самое место, где когда-то стоял. Я видел его. Говорят, сам Хонеккер велел. Велел же Сталин всех Кутузовых и Суворовых, когда надо, вспоминать. Только Скобелева почему-то обошел.

Неисповедимы пути тираньи...

Пришел ко мне как-то Толя, скульптор. Усталый, невеселый. Потребовал чаю, водки он не пьет, стал жаловаться на жизнь. Заказов нет, конкурс на памятник Воссоединения второй год уже тянется, в Худфонде отказали в инструментах, распределили среди боссов. Одним словом, хреновина сплошная.

— Нужен мне мрамор. Задумал одну штуку. Рыскаю по всему городу, с огнем не сыщешь. Клянчил на Байковом кладбище, заломили такую цену, что хлопнул дверью и ушел.

— Поймай, поймай, Толя, — перебил его я. — Кажется, я могу тебе помочь. Ты в универмаг на площади Победы не наведывался?

— В универмаг, на площади Победы? Нет, а что?

— А ты загляни.

— Зачем?

— Сходи во двор, посмотри по сторонам, потом доложишь мне.

— Не понял.

— Сходи, сходи, есть там, говорят, кое-что интересующее тебя.

— Мрамор?

— Вроде.

— В универмаге? Мрамор? Ты спятил.

— Да не в самом универмаге, а во дворе, говорят тебе, вот бестолковый. Могу с тобой сходить, если хочешь.

— Хочу.

И мы двинули.

Пришли. У ворот сторож. Куда? Есть дело. Какое? Сунули тройк, пустил.

Двор как двор. Доски, ящики, ворох картонных коробок, мусор, грязь, облезлые коты. Был обеденный перерыв. В углу, у стены, примостившись на длинном ящике, четверо работяг раздавливали свою поллитровку. Увидев нас, хмуро покосились, но занятия своего не прервали.

Мы подошли, «приятного аппетита» сказали.

— Вам что, хлопцы? — А сами усердно чистят колбасу, то ли украинскую, то ли краковскую.

— Где же это вы такую закуску достали? — спрашиваем.

— А что, давно не видели?

И только тут я увидел, на чем они свое лукуллово пиршество устроили. Сквозь наспех сбитые доски длинного ящика, на котором они примостились, на меня глядел не кто иной, как сам отец и учитель. Я толкнул Толю в бок — глянька. Тот обомлел.

Работяги весело смеялись.

— Вот за него и пьем, сердешного. За упокой души, так сказать...

И выпили. Хрякнули, привялись за колбасу. А мы, как замороженные, не могли оторвать глаз от белевших сквозь щели мраморных маршалских регалий — погон, орденов, дубовых листьев на фуражке, от руки, опирающейся на какую-то тумбу.

— Может, и вы хотите помянуть старика?

Естественно, с нами была поллитровка, так, на всякий случай. И мы под-сели.

Разговор о покойнике, на гробу которого мы мирно расположились со своей трапезой, — сука, мол, сука, народу перевел, не считаешь, но порядок при нем все же был, не то что при нынешних пердунах, — постепенно перешел на более животрепещущие темы — где что достать, как кого обмануть.

Расправившись с колбасой, оказавшейся венгерской, и содержимым бутылок, работяги стали прощаться, как-никак рабочий день, а мы начали соображать, как овладеть содержимым ящика.

— Придется тебе, Толечка, к директору универмага направиться. Его никак не миновать.

— Придется, — вздохнул Толя и посмотрел на часы, до закрытия было еще далеко.

— Жду тебя вечером с докладом.

— Жди, — уныло ответил Толя.

На этом мы расстались.

В тот вечер Толя не пришел, на следующий явился. Сняющий.

— Можешь поздравить!

— Да ну!

— Так точно. Сделка сделана. По всем правилам. С приложением печати. Он бережно вынул из бокового кармана достаточно уже помятую, вчетверо сложенную бумажку.

Я прочитал и не поверил своим глазам. На бумажке было написано:

СПРАВКА

Дана сия товарищу такому-то в том, что такой-то (имя, отчество, фамилия, профессия, адрес, телефон) приобрел за наличный расчет столько-то килограмм мраморной крошки, отпущенной ему универмагом «Прогресс» из расчета столько-то рублей за килограмм крошки, уплатив итого столько-то рублей ноль-ноль копеек.

Директор универмага «Прогресс»
Подпись — не то Коломейченко,
не то Бакалейщиков.

Киев, дата, круглая печать.

Я только переводил глаз с бумажки на Толю, с Толи на бумажку.

— Вот действительно, сик транзит глория мунди, — выдавил я наконец из себя. — Крошка! Ни больше ни меньше, как крошка... Удавиться...

Толя весь трясся от хохота.

— Представляешь, этот хмырь долго не мог решить, как выписать — бой или крошка. Все колебался. Бой — похоже на битву. Неловко как-то... Сталинградская битва. Курское сражение, бои в излучине Дона. И вдруг осенило — крошка, мраморная крошка... Гений, ничего не скажешь.

Все обошлось в какую-то смехотворную сумму, не помню уже, какую — то ли тридцать, то ли триста рублей. По случаю удачной сделки тут же побежали в гастроном.

Через неделю ящик со всеми предосторожностями был внесен теми же работягами за приличное вознаграждение плюс поллитровка в Толину мастерскую. В тот же вечер праздновали новоселье. Собралось человек десять художников и скульпторов, пьянствовали до утра. Сначала обсуждали, что дальше делать с «крошкой»: пилить ли, отсекать, сохранить ли голову; потом переключились на политику, Хрущева, собственные дразги, к утру вконец изнемогли и завалились спать.

На этом поставим точку.

И вот, столько лет спустя, проходя по Вандомской площади, я неизменно задаю себе вопрос — стоит ли быть завоевателем, императором, отцом и учителем, гением всех времен и народов?

Вряд ли. Уж больно хлопотно после смерти.

Публикация В. Л. Кондырева